

Лёскин
Боженька

Елена Кваскова

Елена Александровна Кваскова Лёськин Боженька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28953350

SelfPub; 2018

Аннотация

Что такое настоящая любовь? Есть смысл поучиться этому у маленьких детей...

Только в два с половиной годика у Алёши впервые выговорилось своё имя. Но выговорилось очень смешно. Вместо предлагаемого образца «Алёша», у него невыразимо потешно получалось «Лёссся». Папа с мамой долго смеялись, записывали его голосок на магнитофон, да так как-то и привыкли звать его Лёськой.

Когда Лёське исполнилось пять лет, папу положили в больницу, и мама отвезла сына на лето в деревню – к бабушке и бабушке. То есть он там бывал уже раньше, только совсем крошкой и помнить ничего не мог. Правда, запах бабушкиного дома сразу почудился ему знакомым. Такого запаха в городе не было нигде – тёплого, вкусного, уютного и очень старого. Это было весело!

Вообще, тут всё было весело и всё было живое: и корова, и цыплята, и щенок Тузик, и яблоки в саду, и нагретое солнцем крыльцо, и пахнувшая известью печка. Можно было бегать хоть целый день, залезать в разные уголки, валяться на траве с Тузиком и лопать сладкую малину прямо с куста.

Бабушка обожала Лёську – закармливала блинами и оладушками, тискала и целовала. И всегда тайком совала конфеты, когда дед уходил по делам. Но Лёська знал, что дед и не стал бы ругаться. Он тоже очень любил внучка. И даже когда журил его за мелкое хулиганство, всё равно улыбался в усы и приговаривал насмешливо: «Маргышка ты бесхво-

стая!»»

Через неделю Лёська обследовал в доме, дворе и огороде почти всё, куда смог просунуться. Не вышло проникнуть только в страшный погреб и на захламлённый чердак – дед не пустил. Но оставался один обходной путь к этим таинственным местам – бабушка! И Лёська решил пойти к ней поканючить.

Бабушка стояла в углу передней комнаты и зажигала огонёк в странной чашечке, висевшей на цепочках перед тёмными картинками. Лёська раньше не обращал на них внимания. Картинки были не интересными, не красочными. На самой большой посередине – дядя с длинными волосами. На других – тоже какие-то серьёзные тёти и дяди. А на одной – почти голый дядя с раскинутыми руками и склонённой головой. А внизу люди, тоже грустные.

– Баба, а это кто? – спросил Лёська.

Бабушка посмотрела на Лёську, проворчала, покачав головой: «Эх, молодёжь! Одна дрянь в башке, прости Господи! Всё бегают, а дитё Спасителя не знает...»

Она посадила Лёську на колени, поцеловала в макушку, и начала рассказывать. Лёська очень любил, когда бабушка рассказывала сказки и всякие истории. Но на этот раз история была совсем не такая... Она была о том, как давно-давно жил Боженька, Иисус Христос. Он был очень добрый, всех

любил и хотел всех спасти. Но злые люди поймали его и прибили гвоздями к деревянному кресту. И он умер. Поэтому все должны в него верить и креститься...

Лёська слушал, открыв рот и глядя, не мигая, на шевелящиеся бабушкины губы. Ему было так страшно, что сердечко сделалось похожим на прыгающий металлический шарик. А бабушка взяла его на руки и поднесла поближе к картинками. На ту, где боженька висел на кресте, наклонив голову, Лёська изо всех сил старался не смотреть. Поэтому уставился на большую, посередине. С картинки на него смотрел Боженька большими грустными глазами. Лицо у него было усталое и серьёзное, как у папы, когда Лёська с мамой навещал его в больнице...

Весь оставшийся день Лёська ходил сам не свой – не играл, не баловался и не выпрашивал конфеты. Бабушка то и дело подходила и трогала губами его лоб. Лоб был в порядке. А вот там, за лбом, в голове – полный бардак! Лёську мучили сомнения и вопросы, которые, если бы он мог их чётко сформулировать, звучали бы примерно так: "За что злые люди поймали Боженьку, если он такой добрый?", "Почему люди, которые плакали вокруг креста, не спасли его?" и "Как же ему было больно... от гвоздей?!" Лёську не так пугали слова "и он умер", как то, что его прибили гвоздями. Что такое "умер" Лёська себе не представлял, но однажды он как-то взял мамино шитьё со стола, и нечаянно укололся иголкой. И было больно. И он громко заплакал. Прибежала ма-

ма и даже не стала ругать – взяла на руки и долго целовала уколотый пальчик...

Утром Лёська встал рано и застал бабушку опять перед картинками с Боженькой. Она что-то шептала, прижав руки к груди и закрыв глаза.

– Баба, ты чего делаешь? – спросил Лёська шёпотом.

– Это я молюсь, зайчик, – ласково сказала бабушка, – прошу Боженьку, чтобы он дал нам прощенье, сил и хороший урожай. И чтобы ты вырос здоровый и послушный... Ты тоже попроси у него, чего тебе нужно. Он добрый, он даст!

И бабушка научила Лёську креститься. Он всё понял – как и куда надо прикладывать пальчики, а потом поклониться. Но самого главного не мог понять: как просить чего-то у Боженьки, который такой грустный, измученный и уставший?! Да и чего просить Лёське? У него же всё есть: и машинка на батарейках, и пистолет, стреляющий шариками, и Тузик, и "сокровища" в коробке за печкой. А ещё есть бабуля, которая всё объяснит, и мама, которая всегда пожалеет... А у Боженьки ничего нет! Ничего! Даже из одежды – только какая-то тряпка на поясе... Лёська чуть не заплакал от жалости, быстро заморгал глазами и убежал в свой уголок за тряпичной занавеской.

Там он твёрдо решил, что должен что-нибудь сделать для Боженьки! Надо что-нибудь ему подарить, чтобы ему стало веселее, и чтобы он не думал, будто Лёська его не любит.

Когда дед и бабушка ушли в огород, Лёська достал из-за печки свою заветную коробочку с "сокровищами", нашёл в дедовом ящике клей и пошёл к Боженке. На широкую лавку он поставил свою табуреточку и осторожно закарабкался на неё. Табуреточка качалась, и приходилось держаться за стенку. И только когда Лёська забрался на самый верх, он обнаружил, что оставил коробочку с клеем на лавке. Пришлось слезать и заново повторять героическое восхождение.

Наконец, Лёська очутился перед Боженкой и начал дарить подарки. Очень медленно и осторожно он прилепил на клей в уголки картинки свои "сокровища": красивую нерусскую монету, разноцветную стеклянную пуговицу, вырезанный из журнала белоснежный парусник и золотистого дракончика, выменянного во дворе на настоящую гильзу... Никак не прилепился только железный солдатик, и Лёська оставил его себе.

Слазить было трудно – уже подкруживалась голова. Но Лёська был доволен. Он отошёл немного, чтобы полюбоваться своей работой. Получилось очень красиво! А ещё Лёське показалось, что Боженка немного повеселел и чуть-чуть улыбается. Здорово вышло! Только не надо никому рассказывать – пусть сами увидят, обрадуются и похвалят его, Лёську! Вдруг он вспомнил, что надо креститься. Перекрестился, поклонился и побежал вприпрыжку к заждавшемуся его Тузику...

Наступил вечер. Лёська во дворе строил домик для сол-

дати́ка и слышал, как хлопочет бабушка, собирая на стол к ужину. Вдруг в доме сделалось как-то шумно, и раздался крик деда, похожий на пароходный гудок:

– Алексей!.. Алексей, подь-ка сюды!!!

Лёська не сразу понял, что это его зовут – Алексеем, да ещё так громко, его ещё никогда не называли. И он слегка испугался. Подлетел к двери, тихонько приоткрыл её и испугался уже очень! К нему повернулся дед – весь красный, с трясущимися губами, и задышал с каким-то хрипом. Бабушка сидела в углу на лавке и плакала, не глядя на Лёську.

– Ты что это, паршивец, натворил?! – закричал дед, переходя на визг. – Я тя отучу от баловства-то! Родителям не до воспитания, так от рук отбился малец! БалУйся-балУйся, а край знай! Шо удумал, паршивец эдакий – образа поганить!!! Накажет Господь! И меня накажет за недогляд такой!.. А ну, сымай портки! – грозно рыкнул дед, надвигаясь на Лёську...

Что было дальше – Лёська помнил плохо. Наверное, потому что ничего не понял. Даже не очень больно было, когда дед шлёпал по попе. Больно было. Но не там... А было сильно больно, сильно обидно и сильно страшно. Его дед, который строгал для него саблю, сажал на настоящего коня и ласково ругался «мартышкой бесхвостой», так по-настоящему рассердился, так громко кричал и так шлёпал... не понарошку... Его, Лёську, любимого внука! За что?! За что?! Он же так старался, так придумал, чтобы всех порадовать...

Лёська проплакал весь вечер, отвернувшись к стене в своей кроватке за занавеской. Острые плечики его зябко вздрагивали, когда он тихо всхлипывал. Отказался от ужина и даже от блинов со сгущёнкой. Слышал, как приходила бабушка, долго сидела на краю кроватки, тяжело вздыхая, но так ничего и не сказала. И не погладила. Потом она очень долго что-то жалостливо просила у Боженки.

Когда в доме стало темно, и все легли спать, Лёська на цыпочках прокрался в переднюю комнату. Волнуясь, залез на скамью к образам и в свете лампадки увидел, что его «сокровища» уже оторваны. И только остатки клея виднеются кое-где по краям. Боженка опять был серьёзным и немного растерянным.

И Лёська подумал, глядя на него: «Это ничего... по попе... Ему больше было. И обиднее... Тоже ни за что, но больше намного...» Он вытер ладошками с глаз слёзы и больше не плакал.

...А во сне к нему пришёл Боженка. И Лёська подарил ему все свои сокровища! И железного солдатика тоже подарил. А потом они с Боженкой болтали и смеялись, сидя на дедовом крыльце...

Слабый утренний свет тихонько проникал сквозь тряпичную занавеску, где, обнявшись с подушкой, Лёська счастливо улыбался во сне.